

В. СМЕТАНА. В ТЕНИ МЮНХЕНА. БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ПОДПИСАНИЯ ДО ОТМЕНЫ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ (1938–1942 ГГ.)

В. В. ВАСИЛЕНКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

Автор рецензирует монографию чешского историка В. Сметаны. В книге детально анализируются мотивы политики британского руководства по отношению к Чехословакии накануне и в ходе судетского кризиса. Избранная хронология позволяет чешскому исследователю выявить не только непосредственные итоги мюнхенских решений для двух стран и международной политики в целом, но и влияние «фактора Мюнхена» на новом этапе – в ходе становления отношений между британским руководством и формировавшимся в Лондоне эмигрантским представительством Чехословакии.

Ключевые слова: Чехословакия, Мюнхенское соглашение, внешняя политика Великобритании, правительство Чехословакии в эмиграции, Э. Бенеш.

Smetana V. In the shadow of Munich. British policy towards Czechoslovakia from the endorsement to the renunciation of the Munich Agreement (1938-1942). Prague: Karolinum Press, 2008. 358 p.

Монография старшего научного сотрудника Института новейшей истории Академии наук Чешской Республики Вита Сметаны посвящена весьма противоречивому периоду в политике Великобритании по отношению к Чехословакии (ЧСР) – 1938-1942 годам. Британское правительство сыграло не последнюю роль в том, что в это время ЧСР была преобразована в Чехо-Словакию, затем на ее месте возникли «независимая» Республика Словакия и германский Протекторат Богемия и Моравия, а вскоре за возможность представлять народ или отдельные народы (чехов и словаков) в эмиграции в Лондоне стали бороться различные политические группировки. Отправная точка для исследования – Мюнхенская конференция 1938 г. Автор детально анализирует мотивы политики британского руководства по отношению к Чехословакии накануне и в ходе судетского кризиса. Избранная хронология позволяет ему выявить не только непосредственные итоги мюнхенских решений для двух стран и международной политики в целом, но и влияние «фактора Мюнхена» на новом этапе – в ходе становления отношений между британским руководством и формировавшимся в Лондоне эмигрантским представительством Чехословакии. Логическим завершением периода стал август 1942 г., когда Великобритания объявила себя «свободной от обязательств», связанных с решениями Мюнхена. Безусловно, «мюнхенскому сговору», его итогам и значению посвящено немало работ и в нашей стране, и за рубежом. Однако книга В. Сметаны, вышедшая в 70-ю годовщину Мюнхенского соглашения, убедительно демонстрирует, как много вопросов и новых открытий таит эта страница дипломатической истории.

Работа написана на основе обширного круга источников, многие из которых не были введены ранее в научный оборот. Помимо опубликованных документов, мемуарной литературы и прессы, В. Сметана привлекает материалы целого ряда архивов Великобритании, а также Чехии, России и США. При этом нельзя не отметить тщательность проработки автором этого огромного массива источников. Большой интерес представляет критический сравнительный анализ дипломатических документов (в особенности записей бесед дипломатов), отложившихся в архивах разных

стран. Монография снабжена хорошим научно-справочным аппаратом, в который включены и биографии значимых, но не самых известных политиков и дипломатов исследуемого периода.

В первой главе В. Сметана анализирует причины и характер участия Великобритании в судетском кризисе 1938 г., итогом которого во многом и стал созыв конференции в Мюнхене и, в частности, англо-германская декларация о намерении «двух народов никогда больше не воевать друг с другом». Автор кратко и емко характеризует факторы, определившие специфику британского подхода, – превалирующее убеждение правительственных кругов в правоте судетских немцев в конфликте и стремление к мирному урегулированию кризиса в Чехословакии любой ценой, в том числе с помощью «незаинтересованного» активного посредничества на самом высоком уровне. В. Сметана говорит и о значении мнения военных, которые неоднократно упирали на недостаток ресурсов для победы в войне, при этом недооценивая военный потенциал ЧСР и переоценивая возможности германской авиации, и о нежелании народа воевать, даже скорее страхе перед войной, которые усугубляла пресса. В качестве отдельного фактора исследователь демонстрирует настроения в правящих кругах Великобритании: здесь и симпатии к лидеру СНП К. Генлейну, который в ходе визитов в Лондон смог убедить британских политиков в трагическом положении немцев в Чехословакии и представить ЧСР как государство, «зараженное вирусом коммунизма», и невысокое мнение о Чехословакии и ее славянском населении ключевых в данном кризисе членов дипкорпуса – пронацистски настроенного посла в Германии Н. Гендерсона, а также сотрудников посольства в Чехословакии Дж. Эдисона и его заместителя Р. Хэдоу (с. 44-49).

В следующей главе автор привлекает внимание к проблеме выполнения Великобританией гарантий, предусмотренных Мюнхенским соглашением. Данному вопросу не уделялось особого внимания в историографии. Между тем, кульминацией политики «умиротворения» западных демократий стоит назвать скорее отказ от выполнения гарантий целостности Чехо-Словакии, а не сам факт подписания печально известного документа в столице Баварии. Проследившая процесс выработки приемлемого для Великобритании решения вопроса гарантий, автор выявляет разногласия между премьером и Форин Оффисом уже в начале 1939 г., причиной которых было как раз явное нежелание активного участника «мюнхенского сговора» Н. Чемберлена поднимать проблему британских обязательств (с. 75). Автор демонстрирует, как в сознании государственных деятелей и дипломатов Соединенного Королевства довольно быстро утвердилась мысль о том, что нет иной альтернативы, кроме отказа от гарантий. Яркий пример – эмоциональные строки британского дипломата Сарджента от 16 декабря 1938 г. о том, что гарантия Чехо-Словакии в сложившихся условиях была бы равносильна тому, что «Германия должна была бы гарантировать Египет» (с. 68). Логическим итогом поиска аргументов для отказа Великобритании от гарантий стало заявление Чемберлена на заседании Кабинета 15 марта 1939 г., в день аннексии Германией Чехо-Словакии, что Ч-СР распалась еще до участия Третьего Рейха (с. 107).

Вместе с тем В. Сметана обращает внимание и на другую сторону проблемы: британские (и не только) гарантии становились вопросом второстепенного значения из-за стремительно растущего германского влияния в Ч-СР, что прекрасно понимало руководство страны, которое в основном сосредоточило усилия на подтверждении обязательств от одной державы – Германии (с. 67,71).

В третьей главе автор рассматривает британскую политику в отношении теперь уже чехословацкого вопроса вплоть до объявления Великобританией войны Германии в контексте предвоенного политического кризиса (то есть с 15 марта по 3 сентября 1939 г.). В. Сметана выявляет значимые последствия исчезновения Чехо-Словакии с политической карты мира для внутренней и внешней политики Великобритании. Точка зрения Чемберлена о самостоятельном распаде Ч-СР подверглась беспрецедентно жесткой критике в правительстве, парламенте и прессе уже в день захвата страны Гитлером. Стало ясно, что премьер не удержится у власти без измене-

ния своего внешнеполитического курса, который вызвал резкую оппозицию и в Форин Оффисе. Одновременно росла популярность противников политики «умиротворения» – прежде всего У. Черчилля и Э. Идена. Однако, как указывает автор, тогда премьер достаточно эффективно смог сохранить свои позиции именно за счет риторики перемен. Чемберлен проводил мысль о достаточно радикальных, «черчиллевских», изменениях в политике, вследствие которых отпадала необходимость приглашать в правительство самого Черчилля. Этот политик явно мог бы ослабить позиции премьера и уменьшить поле для маневра в переговорах с Германией, которые по-прежнему были на повестке дня (с. 108-115).

Осознание того факта, что в результате захвата Чехо-Словакии Гитлер впервые присоединил к Рейху не заселенные немцами территории, заставило британские правящие круги ожидать и других аннексий в регионе. Разведчики и дипломаты сходились во мнении, что следующими объектами агрессии будут Польша и Румыния. Уже к концу марта британское правительство кардинально пересмотрело свое отношение к обязательствам в Центральной и Юго-Восточной Европе. В частности, 31-го последовал весьма неоднозначный акт – Великобритания в одностороннем порядке объявила о гарантии территориальной целостности Польши, что и послужило в сентябре официальной причиной объявления войны Германии. Уже с первого дня ответственность такой политики вызывала сомнения. Не удивительно, что в анализе британской политики гарантий преобладают негативные оценки. В. Сметана, не умаляя неблагоприятных последствий данной политики для Соединенного Королевства и международной обстановки, вместе с тем обоснованно подчеркивает, что нужно учитывать то, что это была импровизация, принятая за короткий период в ответ на «ряд невозможных обстоятельств» (с. 118-119). Другой вопрос – что руководство Великобритании не разработало заранее план действий в случае невыполнения Германией своих обязательств, хотя оно обладало информацией о возможности такого развития событий¹.

Уже тогда в британском правительстве высказывалось мнение о необходимости налаживания отношений с СССР (с. 117). Автор выделяет такой фактор, негативно повлиявший на взаимоотношения между Великобританией и СССР и на выработку внешней политики Советского Союза в целом, как донесения советских дипломатов, часто рисовавших в черном цвете намерения западных держав. Особое внимание В. Сметана уделяет роли посла в Соединенном Королевстве И.М. Майского, который, по его мнению, способствовал провалу советско-англо-французских переговоров и усилению подозрительности в Кремле (с. 120). На мой взгляд, автор недооценивает значение, по выражению Ф. Костиглиолы², «преобладающей культурной парадигмы» в СССР. Иными словами, дипломаты действовали в рамках системы знаков, утвердившейся в Советском Союзе. По понятным причинам к зарубежным представителям молодого «социалистического государства», которое находилось во «враждебном окружении» (и зачастую это было недалеко от истины), применялись еще большие требования к лояльности по сравнению с обычными гражданами. При этом И.М. Майский выделялся определенной гибкостью в трактовке поведения советского дипломата³.

В. Сметана привлекает внимание к просчетам британского руководства в оценке значения для Германии экономического и военного потенциала Чехо-Словакии накануне Второй мировой войны: преобладало довольно парадоксальное мнение о том, что подчинение чехов не усилило мощь Рейха (с. 124-127). Одним из аспектов подчинения экономики Ч-СР Германией стала и проблема «чешского золо-

¹ Hill Ch. Cabinet decisions on foreign policy: the British experience October 1938 – June 1941. 2nd edition. Cambridge, 2002. P. 19.

² О взаимосвязи психологии и внешней политики см.: Costigliola F. After Roosevelt's death: dangerous emotions, divisive discourses, and the abandoned Alliance // Diplomatic History. 2010. No. 1. P. 7.

³ См. оценку И.М. Майского и его жены чрезвычайным и полномочным посланником В.Н. Павловым: «Автобиографические заметки» В.Н. Павлова – переводчика И.В. Сталина // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 94-111.

та», которое осталось в банках Великобритании после аннексии страны. Часть золота, благодаря нежеланию банкиров вовлекаться в политические вопросы, Германия получила, но оставшиеся активы удалось сохранить в Соединенном Королевстве. Через некоторое время именно это золото стало финансовой базой для формирования властей Чехословакии в эмиграции. Этому способствовало и решение Форин Оффиса сохранить дипломатическое представительство в Лондоне уже не существовавшей Чехо-Словакии (с. 127-132, 150).

В отечественной историографии до недавнего времени деятельность эмигрантских правительств оккупированных стран не получала особого внимания (тем более в аспекте отношений с Великобританией), а если и рассматривалась, то весьма критически. Поэтому, пожалуй, особый интерес представляют последующие главы (4-6), в которых анализируется специфика политической активности чехословацкой эмиграции в Лондоне, отношение Великобритании к проблеме формирования политического представительства (в итоге правительства) Чехословакии в эмиграции, а также формулирование и начало реализации внешнеполитической программы Э. Бенешем, который в итоге был признан лидером чехословацкой эмиграции и оккупированной страны.

Автор демонстрирует, что именно Мюнхен обусловил противоречивое отношение британских властей к чехословацкой эмиграции. С одной стороны, помощь Великобритании беженцам из Чехо-Словакии до войны превысила помощь беженцам из других оккупированных фашистской Германией стран. Даже в правительственной переписке выделявшиеся суммы зачастую называли «conscience money» (с. 156-157). С другой – британское руководство весьма сдержанно относилось к возможности политического представительства чехов и словаков в эмиграции. Из всех эмигрантских группировок этот вопрос в то время стоял наиболее остро в отношении потенциальных представителей бывшей ЧСР или ее отдельных частей. Свою роль играли и проблема преемственности, и весьма критическое отношение британских правящих кругов к фигуре единственного потенциального лидера чехов и словаков, бывшего президента Чехословакии Э. Бенеша. Его упрекали одновременно в непримиримом отношении к судетским немцам и в «недостатке воинственности» (С. 158). Кроме того, у группы Бенеша были и достаточно влиятельные конкуренты – такие, например, как бывший премьер М. Годжа, добивавшийся отдельного представительства словаков.

Как следствие, британское правительство признало Чехословацкий национальный комитет, созданный в Париже 17 октября 1939 г., только в конце декабря, да и то на основе формулы, что ЧНК представляет не чехословацкий народ (формула Бенеша), а народы (с. 181). За статус правительства предстояло бороться еще почти год. В целом автор отмечает, что позиция Великобритании, по замыслу Форин Оффиса, характеризовалась в то время «двойным непризнанием» – оккупации Германией Чехо-Словакии и комитета Бенеша в качестве правительства в эмиграции (с. 182).

Интересно, что основные элементы политической программы Бенеша, в реализацию которой он вкладывал столько сил в ходе войны, оформились уже во время его первой эмиграции в конце 1938 – начале 1939 г. Тогда он жил в Лондоне как частное лицо. Целью второго президента Чехословакии изначально было восстановление страны в домюнхенских границах. Он предсказывал развязывание войны в скором будущем и считал, что именно тогда и возникнут условия для возрождения свободы и независимости чехословацкого государства. Важным элементом безопасности Чехословакии должно было стать тесное сотрудничество с СССР и общая граница. При этом Бенеш считал необходимым также проведение некоторых социалистических преобразований в социально-экономической сфере страны (с. 160).

Безусловно, для бывшего президента ЧСР «мюнхенский сговор» стал трагедией и в дальнейшем заметно повлиял на его оценку политических реалий. В. Сметана подробно рассматривает значение этого фактора вплоть до 1942 г. Он называет Бенеша и его сторонников «узниками Мюнхена», поскольку этот негативный опыт приводил порой к неверной оценке ситуации (с. 208). Автор проводит мысль о том, что

эмигрантский лидер чехов и словаков зачастую безо всяких оснований не доверял намерениям Великобритании, которая в силу ряда причин не спешила выполнять требования Бенеша, и в то же время переоценивал значение советских заявлений и акций в поддержку своих целей. В итоге это помешало реализовать обновленную внешнеполитическую концепцию президента ЧСР в эмиграции, которая предполагала поддержание баланса между западом и востоком.

Важная, но вначале все же не ключевая, роль отводилась в данной концепции отношениям с Советским Союзом. По мнению исследователя, только в 1942 г. это направление начало трансформироваться в магистральное (с. 314). В. Сметана привлекает особое внимание к «двум решающим беседам» Бенеша с Майским 22 сентября и 21 ноября 1939 г. (с. 183). Речь шла о возможной передаче Закарпатской Украины СССР и даже установлении советской системы в Чехословакии (согласно советским записям)⁴. Трудно не согласиться с автором, что такие заявления со стороны Бенеша не были оправданы потребностями политики. Они вовсе не привели к росту симпатий советского руководства к Бенешу, а в дальнейшем сыграли свою роль в решении вопроса о судьбе Закарпатской Украины⁵. Однако вряд ли можно говорить об их значимом влиянии на послевоенное положение страны, о чем говорит исследователь. Другие эмигрантские лидеры стран региона подобных заявлений не делали, но это не помешало их странам войти в советскую сферу влияния. Тем более, что Бенеш осенью 1939 г. был лишь главой ЧНК, следовательно, он имел весьма ограниченные полномочия представлять интересы чехов и словаков. При этом представляется вполне обоснованной точка зрения ряда историков, в том числе Э. Дурачиньски, о том, что послевоенный режим «народной демократии», установившийся в Чехословакии, был мягче, чем в других странах формировавшегося советского блока⁶.

Британская позиция демонстрирует, насколько амбициозной и нереалистичной казалась вначале основная цель Бенеша. Несмотря на некоторое чувство вины по поводу Мюнхена, руководство Великобритании весьма сдержанно и неодобрительно относилось к идее восстановления домюнхенской ЧСР. Во-первых, это могло вызвать негодование и среди народов на континенте, и в эмигрантских кругах – судетских немцев, поляков, венгров и словаков. Поэтому Чемберлен в качестве одной из военных целей озвучил «освобождение чешского народа» (с. 169-170). Во-вторых, в то время в правящих кругах Великобритании достаточно широко обсуждались недостатки версальского урегулирования в Центральной и Юго-Восточной Европе и возможные пути его усовершенствования и в частности ставилась под сомнение жизнеспособность Чехословакии. В итоге утвердилась мысль о том, что желательно создание какой-то «более тесной ассоциации» в регионе. Как следствие, британцы намеревались, помимо прочего, поощрять сотрудничество между эмигрантами – поляками, чехами, словаками и др. (с. 173).

Важным и, можно сказать, революционным, новшеством в чехословацкой (и польской) политике в эмиграции стал проект польско-чехословацкой (кон)федерации, развитие которого тщательно анализирует В. Сметана в контексте политики Великобритании⁷. Серьезные разногласия между Чехословакией и Польшей возникли практически сразу же после восстановления их государственности по итогам Первой мировой войны – по вопросу Тешинской Силезии. Отношения двух стран в межвоенные годы были конфликтны, что усиливало взаимное недоверие. В октябре 1938 г. польская сторона захватила спорную территорию в ходе мюнхенского кризиса.

⁴ См.: Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 121-122, 326-327.

⁵ В 1945 г. советская сторона при обсуждении вопроса о судьбе Закарпатской Украины с Бенешем апеллировала к записи первой из упомянутых бесед 1939 г. См.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939-1945 гг. Книга 1. 1939-1941 гг. М., 2007. С. 102-103.

⁶ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 368 (сн. 83).

⁷ Чехи и словаки называли данный проект «конфедерацией», поляки – «федерацией», а в британских документах используются оба варианта.

Инициатива образования совместного объединения после войны прозвучала уже в ноябре 1939 г. в ходе беседы главы ЧНК с премьером польского правительства в эмиграции В. Сикорским. Автор на основе тщательного анализа источников выявляет большое значение федеративных проектов в британских планах послевоенного урегулирования в регионе, опровергая мнение некоторых историков (с. 307-309). Это объясняет поддержку Форин Оффисом польско-чехословацкого проекта даже тогда, когда практически прекратилась его разработка. При этом В. Сметана демонстрирует и временами критическое отношение британского внешнеполитического ведомства к идее (кон)федерации Польши и Чехословакии, что было обусловлено разными представлениями о послевоенном объединении поляков, чехов и словаков, а также британцев (см. главу 6).

Большинство авторов склонны возлагать вину за неудачу проекта (кон)федерации на СССР, говоря о «советском вето» в июне 1942 г., которое было озвучено В.М. Молотовым в беседе с Бенешем. Вскоре практически прекратилась работа по реализации проекта. В. Сметана не склонен абсолютизировать влияние данного фактора, считая значимыми также продолжавшиеся чехословацко-польские разногласия в ходе переговоров о (кон)федерации и позицию Бенеша. Для лидера чехов и словаков, который искренне стремился к урегулированию отношения с поляками, проект (кон)федерации был явно менее значим, чем для Сикорского. Одновременно улучшение отношений с поляками было для Бенеша и инструментом достижения основной цели: подтверждался позитивный характер политики ЧНК, и вполне логично звучало требование лидера Комитета о необходимости статуса правительства для успешного ведения переговоров. Обретение желанного статуса было важным шагом на пути к официальному признанию недействительным Мюнхенского соглашения.

Исследователь показывает, что повышению статуса ЧНК способствовали именно внешние факторы – падение Франции, затем вступление в войну СССР, а активные усилия Бенеша, в особенности его напоминание о Мюнхене, в основном вызвали раздражение британцев. В итоге чехословацкое политическое представительство получило статус полноправного правительства в эмиграции только в июле 1941 г. Окончательное политическое признание группы Бенеша со стороны Великобритании действительно было очень важным и ответственным шагом, поскольку фактически ставило под вопрос легитимность Мюнхенского соглашения. Но долгий процесс переговоров с британцами усилил недоверие президента ЧСР в эмиграции и его сторонников к внешней политике Соединенного Королевства – даже были достаточно сильны опасения относительно сепаратного договора с Германией (с. 207).

Далее В. Сметана анализирует следующий этап борьбы «чехословаков» за реализацию главной цели. Теперь Бенеш и его сторонники в переговорах с британским руководством поставили следующие задачи: признание решений Мюнхена и их последствий ничтожными с точки зрения международного права, а также преемственности чехословацкого правительства в эмиграции по отношению к домюнхенской ЧСР, что предполагало восстановление Чехословакии в границах до сентября 1938 г. Такая постановка проблемы была напрямую связана с решением вопроса о юрисдикции над Судетской областью и урегулированием вопроса немецкого, а также венгерского меньшинств в ЧСР.

Проблемы судетских немцев после войны и «трансфера» немцев из Чехословакии и сейчас являются дискуссионными в чешской и немецкой историографии, хотя после 1989 г. многое было сделано по улучшению климата для обсуждения истории двусторонних отношений⁸. В. Сметана показывает, каковы были первые варианты решения проблемы «трансфера» немцев Бенешем в 1941-1942 гг. Особое внимание автор уделяет реакции британского руководства на данную проблему и его вкладу в дискуссии.

⁸ См.: Серапионова Е.П. Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918-1945 годы) // Славяноведение. 2000. № 5. С. 43-52.

Довольно многие эксперты в ходе обсуждений в Форин Оффисе признавали необходимость включения большей части Судетской области в состав послевоенной ЧСР и считали неизбежным выселение значительной части немцев из Чехословакии. Однако, опасаясь поощрять Бенеша, «поскольку чехи всегда хотят получить немного больше того, что мы можем предложить»⁹, Великобритания побуждала чехов и словаков наладить отношения с судето-немецкой эмиграцией во главе с В. Якшем, настаивая в частности на включении ее представителя в Госсовет. Однако Бенеш, приводя в целом обоснованные возражения, в итоге квалифицировал некоторую британскую поддержку Якша как «новый генлейнизм» (с. 298).

В. Сметана оценивает итоги данного этапа в деятельности чехословацкого эмигрантского правительства как незначительные. Официальная формулировка относительно Мюнхена, прозвучавшая в обмене письмами 5 августа 1942 г., не многим отличалась от заявленной ранее позиции Великобритании и имела скорее пропагандистский эффект. Несмотря на попытки Бенеша увязать обсуждение территориального вопроса в британо-советских переговорах с проблемой границ ЧСР, лидер чехословаков был вынужден согласиться с британской позицией отказа от обсуждения территориальных вопросов. Наиболее значимым достижением Бенеша автор справедливо считает согласие Великобритании на «трансфер» судетских немцев после войны (с. 296-307).

Анализируя роль советского фактора в британо-чехословацких отношениях, исследователь выявляет совершенно необоснованное убеждение в Форин Оффисе, что Бенеш, несмотря на советскую поддержку идеи восстановления домюнхенской Чехословакии и его явный «синдром» Мюнхена, сохранит «баланс между западом и востоком» в своей политике и будет доверять курсу Великобритании и США. Подводя итог анализу британо-чехословацких отношений, автор подчеркивает, что уже в августе 1942 г. Бенеш практически исчерпал возможности Великобритании по реализации его основной цели, и примерно в это время он сделал выбор в пользу востока (с. 315).

В целом книга Вита Сметаны – прекрасный образец профессионального фундаментального исследования. В данной рецензии я остановилась лишь на некоторых основных мыслях автора, не касаясь многих ценных наблюдений. В заключение особо следует отметить то, что автору удалось успешно выполнить весьма непростую задачу – продемонстрировать британский механизм выработки и реализации политики по отношению к чехословацкой политической эмиграции, что полезно и для анализа взаимоотношений Великобритании с эмигрантскими представителями других оккупированных стран и в целом места политической эмиграции в британской внешней политике.

V. SMETANA. IN THE SHADOW OF MUNICH. BRITISH POLICY TOWARDS CZECHOSLOVAKIA FROM THE ENDORSEMENT TO THE RENUNCIATION OF THE MUNICH AGREEMENT (1938–1942)

V. V. VASILENKO

Belgorod State University

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

The author reviews the monograph of the Czech historian V. Smetana. The book deals with detailed analysis of motives of the British policy towards Czechoslovakia on the eve and in the course of the Sudeten crisis. The chosen chronology allows the Czech scholar to reveal not only the immediate outcomes of the Munich decisions for both countries and international politics, but also influence of the "Munich factor" in the course of establishing relations between the British government and the Czechoslovak government-in-exile being formed in London.

Key words: Czechoslovakia, Munich agreement, foreign policy of Great Britain, Czechoslovak government-in-exile.

⁹ Слова и.о. главы Центрального департамента Форин Оффиса Ф. Робертса. С. 301.